

свободная газета свободных поэтов

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

АНДРЕАПОЛЬ • ПЕНО • ТОРОПЕЦ • НЕЛИДОВО • БЕЛЫЙ

РЖЕВСКОМУ МЕМОРИАЛУ «Я СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ»

Я знаю: их здесь полегли не десятки,
И даже не тысячи здесь полегли...
А сколько нашли медальонов
солдатских,
А сколько костей из земли
извлекли?!

Кому-то «воскреснуть» дал Бог
после «смерти» –
Случилась ошибка в «реестре»
штабном!
А кто-то и вовсе, в войны
круговерти,
Навечно остался в болоте глухом.

По трупам, лежащим в болотах,
как гати,
Шли танки вперёд, как по полю
весной:
«Простите нас, наши погибшие
братья,
Что нету к победе дороги иной!»

С костями смешались деревьев
коренья,
Сцепились навек, словно руки
друзей.
И вот уже выросло три поколения,
Которым о битве расскажет музей...

И этот солдат, что вон там –
на вершине,
Как будто летит в журавлином
строю, –
Один лишь из тех, что лежат и
поныне
Во ржевских болотах. Их вечен
приют.

А души всех павших за Ржев, за
Отчизну
Над нами косяк журавлиный несёт...
Как память о тех, кто отдал свои
жизни,
Вершат журавли бесконечный
полёт.

*Лариса Иванова,
Торопец*

«Пусть не слышен наш голос, – Вы должны его знать».

Величественный и несломленный солдат взмывает на небесную синеву на бронзовых журавлиных крыльях, взирая на потомков с зелёного холма, словно кружевом, отороченного белой галькой – теперь каждый, кто проезжает по федеральной трассе «Балтия», может поклониться памяти солдат и офицеров Советской Армии, погибших и пропавших без вести на месте кровопролитных боёв подо Ржевом 1942–1943 гг.

Мемориальный комплекс, торжественно открытый 30 июня, создан по инициативе ветеранов Великой Отечественной войны на народные пожертвования. Деньги на его строительство и материалы для музея присылали люди из всех стран бывшего Советского Союза. Одни оставались безымянными, другие указывали имена родственников, воевавших на Ржевско-Вяземском направлении.

Часть имён нанесена на плиты из картеновской стали, которыми оформлен рельеф мемориала. Складывается впечатление, будто идёшь по дну огромного окопа. Вглядыва-

ясь в фамилии (а одновременно их не охватить взглядом), в портреты воинов, ощущаешь их незримое присутствие. Они здесь, рядом, смотрят с чёрно-белых фотографий на баннерах, с портретов на стенах, читаются в тысячах фамилий.

Объединившись, жители бывших союзных республик сделали, казалось бы, невозможное: построили памятник героям, один из крупнейших в истории современной России.

Спираль журавлей, закручиваясь в небо, трансформируется в образ бойца в плащ-палатке и с ППШ в руке. В войне не чувствуется ни агрессии, ни угрозы. Он кажется очень усталым, печальным. Монумент с разных пространственных точек читается по-разному. С одной чётко видны журавли, с другой – на передний план восприятия выходит лицо солдата, образ. С третьей – крылья журавлей выглядят сложенными в мольбе, молитве или благодарности, кистями рук как бы говоря: «Спасибо вам, мы помним...».

Наталья Муромцева

стр. 1

Юрий Назаров,
г. Осташков

Юрий Назаров – член Союза писателей России. Родился в Осташковском районе на острове Городомля. По образованию инженер, окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. В настоящее время занимается предпринимательством.

Стихи печатались в периодических изданиях. Кроме того, у Юрия вышло несколько авторских сборников.

* * *

Дыханье море меня будит,
С дыханьем моря спать ложусь;
Вторые лёгкие – не крылья,
Но с лёгким сердцем я кружу
Меж тополей пирамидальных,
Меж цветников не заблужусь,
И на камнях тропы здоровья
Своё здоровье нахожу.
На Черноморском побережье
Такая нежная лазурь.
Я пью с небес коктейль воздушный,
И ни в одном опять глазу,
Хотя и пьян и сыт по горло
От кислородного сырья –
Я прилетел на побережье,
Я рад, что дни бегут не зря:
Без суеты, с ленцой, без спешки,
Я первобытно обнажён,
Меня ласкает нежно солнце –
Не до любовниц, не до жён.
Я трудоголик по природе,
Здесь – отдыхающий лентяй,
Устану за день от безделья,
Засну как малое дитя.

* * *

Везде по разному скребут
По циферблату стрелки,
Бегут минуты сгоряча,
Ползут часы по стенке,
Как оголтелые клопы
К пульсирующей венке –
Так день проходит, словно миг
В рабочей переделке.

А на вокзале люд честной
На черных чемоданах
Ждёт опоздание, горя,
Как шины на майданах:
Секунды копят в часы
Не черепашью ходом –
Стоят они, окаменев
Над привокзальным сводом.

Часы песочные не зря
Придуманы отцами –
Песок размеренно течёт
По жизни вместе с нами.

Было...

Печи да колодцы –
Признаки Руси,
Исповедь деревни –
Лапти да трусы.
Летняя погода
Дарит людям труд –
Мужики да бабы
Жатвой проживут.
Заменяет солнце
Ласку да любовь.
Вырастет на славу
Свёкла да морковь.
Церковь да поклоны –
Вера в чудеса,
Без креста на шее –
Черни полоса.
Кладбище у леса –
Памяти зигзаг,
Путь-дорога гонит
Вспомнить про рюкзак.
Осень наступила –
Золотом полна:
Скирдами пшеницы,
Рюмочками льна.
В зиму голод просит:
В город бы поспеть –
У дороги сбоку
Караулит смерть...

* * *

В глубоководном царстве мозга
Есть марианская нора,
Осели в ней три тыщи клеток –
Зовутся «детская пора».

Что было там, в далёком прошлом –
Я помню всё до мелочей:
И каждый шаг, и сон мальчишки,
Наивность сбивчивых речей.
Прошли года и «спозаранок»
На ужин я уже забыл:

На мелководе царства мозга
Склероза выросли грибы.

Теперь, как в перьях, при бумажках –
На них написано: что взять,
Куда сходить, чего исполнить,
Что надо сделать, что нельзя.

Но если ночью друг разбудит,
И спросит: «Помнишь тот пенёк,
Куда мы прятали окурки,
И разводили костерок».
Отвечу: «Помню и берёзу,
С которой в марте капал сок,
Мы подставляли желоб к банке,
Чтоб даром тот не тёк в песок».

Пусть я не помню день вчерашний,
Мне очень радостно под ночь
Припоминать из детства кадры,
И гнать назавтра планы прочь.

В каждом малом человеке

В каждом малом человеке
В глубине горит свеча –
Не залить её ни водкой,
Не засыпать сгоряча
Преобидными словами,
Не задуть её, крича,
Что ты малый человечек,
И судьба твоя – молчать.
Не показывать и носу,
На рожон не лезть в быту,
И ни в драку, и ни в пляску,
Только в праздник раз в году.

А свеча горит всё ярче!
Нараспашку ждёт душа
Незамужнюю подругу,
Откровенного дружка.

* * *

Весь этот броуновский бред,
Грехопадение под светилом
Как человека меня злит,
А как поэта – не смутило.
И даже сильно рассмешило:
Природа – мать даёт покой,
А мы на лоне, словно свиньи,
Всё роем землю под собой,
И рассекаем купол синий;
И все под дудочку поём,
Что нет ни времени, ни денег,
И я отчасти соглашусь,
Как человек – я жизни пленник!
А я – поэт, плюю на тех,
Кто занят, скуп, и не до лени,
Хочу вкусить, хочу испить,
Хочу влюбиться без предела,
И чтоб в бесстыжие глаза
Девчонка с похотью глядела.
А где же этот человек?
Закутан в кодекс –и не боле,
А я – поэт, боюсь любви,
Боюсь и ревности и боли.

Наталья Шабанова,
г. Андреаполь

Бережки

За окном сгущались вечерние зимние сумерки. Подвывал в трубе ветер. Лёжа на печи и упираясь стопами в горячие кирпичи, Танюшка учила географию. Учила во весь голос, до хрипа в горле. Она знала, она предчувствовала, что Вера Петровна должна спросить. У подружки Вали уже пять оценок, у Нади – три, у других ребят тоже много, а у неё только две, да и те спорные: пятёрка и четвёрка. Никак не давался ей этот чёртов умеренно-континентальный климат: путается язык и всё тут. Помочь пыталась бабушка. Она чистила картошку на ужин и уже всё давно запомнила.

– Танюш, кон-ти-нен-тальный. Мурка и та скоро замыкает, а ты запомнить не можешь или не хошь? Чем твоя головушка забита? Поди, о мальчиках уже думаешь? Учи!

– Да ну тебя! Скажешь тоже. Отстань лучше...

– Отстану, отстану. Счас вон мамка придёт. Небось чего-нибудь вкусненького принесёт. Она любит деньги сводить. А ты чего хошь?

Таня знала, что мама любит печенье зверюшками и леденцы в красивых жестяных коробочках, монпасье называются. Она всегда их покупает, когда в орсовский магазин завозят товар, а сегодня как раз день привоза.

– Знаю-знаю, – говорила бабушка, – опять ледяшки будешь хрумкать. Останешься без зубов, как я, будут три ошпырка во рту торчать.

На крыльце послышался хруст снега. Вскоре с холодом и паром в дверях появилась раздумывавшаяся мама. В

обеих руках она держала авоськи, набитые буханками чёрного хлеба, какими-то банками и рыбьими хвостами. Всю эту снедь она быстренько распихала по столу и табуреткам и прильнула к тёплому боку русской печки, чтоб хоть немного согреть озябшие руки.

– Сидите тут в тепле, счастливые, а мы с Зинкой насилу пробилась. Дорогу-то совсем замело, видать, снег всю ночь валить будет.

– Да, зима нонче снежная, лютует. Двор только успевай разгрести, – старуха закончила чистить картошку и подбросила в топку дровишек. – Тонь, а Васька-то что, не приехал ещё с работы? Я думала вы вместе придёте. Мотовоз-то, кажись, уж шёл с леса. Да и Петька Варькин проходил мимо окон, я видела.

– Не видала я его. Может, на планёрке задержался. Конец квартала, совещаются, бумаги какие пишут. Подождём чуток да ужинать будем. Счас картофью поставим, я за капусткой в подпол спущусь, а то так и Танька слазит, она у нас шустрая, легка на ногу. Да, Тань?

За дверью началась какая-то возня. Послышалось лёгкое поскуливание. Бабушка сразу определила:

– Сокол это скребётся. Знать, Васька идёт, они ж всегда вместе. Ну, слава Богу, вот и дождались.

Но никто не заходил. Собака рвалась в дом всё отчаяннее.

– Пойду проверю, что там такое.

Антонина накинула платок и выскочила вон. Вскоре она появилась с рыжим взлохмаченным Соколом. Васьки не было.

Собака визжала, виляла хвостом, отрывисто лаяла, задрал морду, бросалась к двери, возвращалась, лизала руки хозяйке и снова торопилась к двери.

Всем в доме стало всё ясно, этот собачий трюк демонстрировался не впервой: надо собираться в дорогу, идти в леспромхоз и искать хозяина. Тот принял лишнего в рабочей столовой, переборщил с чачей, которая продавалась здесь на разлив, да не обошлось дело и без бочкового пива – вот результат. Да, дела!

На плите закипает картошка. Яркими горящими языками огонь облизывает подброшенные берёзовые поленья, тепло разливается по всему дому. А за окном метёт...

– Тонь, бери Таньку да идите уже, а то не замёрз бы Васька, вишь, какая заваруха-та на улице.

– А пусь мёрзнет. Никто ему в горло не заливал. Все люди, как люди, а этот...

Повысла тишина.

– Пойду я тады. Ох, грехи наши тяжкие! Разбей яво паралич.

Старуха начинает искать свою плю-

шевую жакетку, вздыхает, причитает что-то себе под нос.

– Сиди уж. Она пойдёт. Самой и через порог не переступить, валится. Она пойдёт!

– Мам, пойдём, правда. А то как там папка один? Ой, боюсь!

Сокол в это время мечется по комнате, подбегает то к одному, то к другому. Хвост опустил, подвывает жалобно, а в глазах, кажется, слёзы навернулись.

Антонина укутывает потеплее Танюшку, достаёт сухие тёплые валенки с печи, наказывает старухе, чтобы та не забыла закрыть трубу, когда всё прогорит, и вслед за псом, подхватив под руку дочку, исчезает в тёмном проёме двери.

Путь до лесоучастка километра полтора будет, проходит по лесу и кое-где вырывается на открытое поле. Вот тут-то и засада. Так перемело, что можно потонуть в снежных намётах. Кто-то наставил вешек, чтоб не сбиться с дороги. Это упрощает дело, придаёт уверенности.

Верный друг бежал впереди. Забегал немного вперёд, потом возвращался обратно, тыркался носом в ноги Антонине или Танюхе, а потом снова мчался вперёд.

Когда мутным светом впереди замаячил столовский фонарь и цель была близка, путники обнаружили, что столовка закрыта, кругом ни души. Ситуацию снова взял под контроль верный пёс. Он уверенно миновал столовский дворик и побежал в сторону Красного уголка. Было ясно: хозяин там.

Обессилев от хлёсткого колючего снега, на ходу скидывая с себя тёплые платки и рукавицы, Антонина с дочкой ввалились в бревенчатый дом, который служил и конторой, и Красным уголком, и остановились перевести дух. Сокол с радостным визгом бросился в дальний тёмный угол, где что-то бухтело и шевелилось. Было видно, что эти двое рады друг другу.

Антонина ещё только пыталась хоть что-то высказать разлукебному мужу, как прежде услышала:

– Долго я ещё буду вас ждать, бережки? Мне что тут ночь каратать?

Василий с трудом оторвался от насиженного места, опёрся одной рукой на сильное плечо жены, другую закинул на хрупкое плечико дочки и, подгибая непослушные ноги, напевая при этом «...шумел камыш, деревья гнулись, и ночка тёмная была...», как на тройке вороных, отправился к родным берегам.

В деревне Василия любили, добрый он. Прозвище «Бережки» так за ним и закрепилось. Очень уж сладно он произносил: «Бережки!» С любовью.

Иван Кирпичев,
г. Нелидово

Внимание: конкурс!

Тайна

Вася пил уже трое суток. Нет, не так. Вася пил еще только трое суток. Вася был умелым пьяницей, и устроить себе недельный запой для него было проще простого. К тому же Вася был художником, а все знают, как умеют пить художники. Вернее, так как пил Вася, умеют пить только художники.

Вот, возьмем для примера врача. Как он пьет? Честно говоря, даже питьем этот процесс назвать нельзя. Ну, хапнет бывалый прожженный врач полстакана спирта, занюхает рукавом халата и идет дальше пациентов обхаживать. А иначе – никак. Иначе пациенты чахнуть начнут, а то и мор и у них случиться может.

А художник – птица вольная. Хочет – порхает у холста, хочет – лежнем лежит. Только вот под лежащего художника вода не течет. Точнее, если эскулапу муза не нужна, то художнику без неё никак. Как осторожно музу приманить? А без бутылки трудно. Любит, она, зараза, хорошее вино, как ни крути. Говорят, есть такие, кто красивых муз и

без алкоголя приманивает, но Вася тайных старинных рецептов не знал и поэтому пил уже трое суток.

Муза не шла. Кисть скучала, краски сохли, временами мучил сушняк. Василий стойко переносил лишения и тяготы трехдневного, пока еще, запоя.

На столе, ожидая, пока его запечатлеет в масле рука художника, раскинулся бардак. Василий привык к таким натюрмортам и без сожаления сгрэб грязные тарелки в раковину.

– Надо идти в люди, сюжет искать, – сказал он сам себе вслух и достал из холодильника остатки водки. – Полюбасу надо, – добавил он, разглядывая прозрачную жидкость на дне чайной чашки.

В окно мутным темным глазом смотрела ночь. Полночь близилась. Её гулкие шаги отдавались в голове начинающимся похмельем. Это было хоть и препятствием для ищущего художника, но не непреодолимым.

Ночью люди спят. Вернее, большинство людей ночью спит. Эта примитивная истина въелась в мозг каждого ещё с детства. Однако мало кто задается вопросом, что делает по ночам меньшинство? Конечно, часть из этого меньшинства работает, но есть те, кто к ночи только просыпается. Одним из таких и был в этот день Василий. И он понимал, что без сюжета ему уже не уснуть.

Ночной город лениво мигал жёлтыми глазами светофоров. Жёлтые фонари освещали мокрые круги разбитой дороги и пошарпанного тротуара. Зелёные вывески аптек напоминали о бренности жизни. Василий шёл и упорно искал эту жизнь в опустевшем городе. Василий был опытным художником и знал, где она прячется. Он шел в ночной бар.

Нереализованное желание творить жгло изнутри. Хотелось писать, но Василий не знал что. Внутренний взгляд растекался мыслью по выхваченным из памяти картинкам и, осветив на мгновение часть из них, скрывался в чаще сознания.

Звякнул неугаданной нотой колокольчик двери. Полупустой зал встретил обернувшимися на звук лицами ночных жителей. Молодой

бармен, стрельнув равнодушным взглядом, вернулся к протирке бокалов. Всякое бармен повидал, вернее всяких. Художника он помнил и поэтому опять нырнул в глубину своих мыслей, ожидая, пока Вася сделает свой выбор.

Сюжета здесь не было. Может, он был в другом баре, но ночь играла с дождём, хлеща им по жёлтым глазам светофоров. Может, поэтому они и мигали...

Идти никуда не хотелось.

Вторая бутылка пива, вздохнув, скинула на стол зазвеневшую пробку. Ей так и не угаданной нотой отозвался колокольчик двери. Всякое ожидал увидеть Василий, но не это. В бар, осторожно оглядываясь, вошла Она. И сразу привычный мир напрягся и притих. Её никак не должно было быть здесь. Она вызывала диссонанс, не вписываясь в антураж: широкая лёгкая шляпка, приталенное пальто, тонкие перчатки и высокие каблуки.

– На улице дождь, можно у вас посидеть?

– Присаживайте, будете что заказывать?

– Нет, а курить можно?

– Вообще-то нельзя, – чуть смутился бармен. – Но курите, – он подал ей пепельницу.

Присев за стойку напротив бармена, она закинула ногу за ногу и достала коричневую сигарету. Тонкий дым окутал её лицо как невесомая вуаль.

– Кто она? Куда идет? Почему не вызвала такси? – думал Василий, разглядывая этикетку. – Что выгнало её в ночь?

Он поднял глаза, и их взгляды встретились. Случайно, на миг. Но Василий уже знал, как будет называться его следующая работа.

Тайна. Он встретился с тайной, которую не разгадает никогда. Не докурив, тайна растворилась в дожде, оставив после себя затихающий звук неугаданной ноты.

Дождь падал из темноты и собирался на земле в неровные лужи, по которым, чему-то улыбаясь, шлёпал Василий, торопясь домой. Там его ждала кисть и натянутый на подрамник холст. Василий спешил поделиться с людьми своей тайной.

ЧУЖОЙ МУЖ

История, о которой я расскажу, началась с простой СМСки.

Был август. Жара. Он отдыхал на море. Она знала, что её попытка пойти первой на сближение – это не то, о чём она мечтала, да и не о таком муже она мечтала: «грубиян, недостаточно образован, недостаточно обходителен, да и бедный совсем». Она не была уверена, что хочет соединить свою жизнь с ним, тем более, что по документам он принадлежал другой женщине и на данный момент был чужим законным мужем (пускай там не было никаких отношений).

Не надо было писать ему, но что-то внутри шептало:

– Напиши, попытка не пытка, ты никому и ничего не должна.

Она отправила СМСку с телефона, с банальным вопросом: «Как море?».

Первый шаг был сделан.

Ответ пришёл незамедлительно: «Отлично, в тени 45 градусов».

СМС-переписка продолжалась целый час.

После его возвращения с моря они встретились. Долго разговаривали о жизни, об отношениях, о многом другом, что может связывать людей. Стало ясно: расставаться друг с другом им не хочется.

Кто-то за них искренне радовался, а кто-то осуждал, их дети были против новых увлечений своих родителей. А они очень спешили жить.

Большая любовь всегда идет рука об руку с верностью, которая бережет память о возлюбленном и заставляет сердце не отвечать на страстные призывы других мужчин. О такой любви и таких отношениях с мужчиной мечтает каждая женщина. Тяжким бременем такие мечты ложатся на тех женщин, у которых не сложилась семейная жизнь. И тогда начинаешь мечтать о мужчине, который впоследствии мог бы стать твоим мужем, оценив тебя по достоинству, и молишь Господа Бога о том, чтобы он дал тебе ещё один шанс обрести семью, любимого и любящего тебя мужчину.

У этих двоих был общий духовник. Именно батюшка воспротивил-

ся их вспыхнувшей страсти: «Прямое нарушение заповеди Божией». Их на год отстранили и от Причастия.

Но моих героев неумолимо тянуло друг к другу. Как передать ту боль, то отчаяние, которое они испытывали находясь в разлуке, и в недоумении задавая вопрос: «Почему, мы, взрослые люди, не можем строить своё счастье как мы хотим, как нам кажется правильным?»

Наконец-то развод был получен. Мой герой освободился от обязательств первого брака и мог выбрать новую судьбу.

Мечты сбываются, они стали мужем и женой, зарегистрировали брак, обвенчались, сыграли красивую свадьбу, которой порадовали множество своих гостей, друзей и родственников. Все остались довольны, искренне радовались за новую семью.

Начался новый этап их жизни. Нужно было выстраивать правильные отношения, учиться уважать друг друга, понимать, уступать, помогать и поддерживать в трудные жизненные моменты. Им было не просто, оказалось, что по существу они почти не знали друг друга. Но у них получилось. Они были действительно счастливы, собирались прожить вместе долгую счастливую жизнь до глубокой старости.

Пять лет совместной жизни пролетели незаметно. На дворе стояла ненастная осень, когда жена уговорила любимого мужа пойти в клинику на консультацию, чтобы подлечить некий недуг. Спустя полтора месяца она узнала страшный диагноз. У них не было уже практически никаких шансов, ни времени избавиться от болезни – это был злосчастный рак с многочисленными метастазами во всех жизненно важных органах.

Две недели, не выходя из дома, она просидела у постели умирающего мужа, держа его за руку, плакала и молилась. Просила только об одном, чтобы Господь не забирал у неё долгожданное счастье, её мужа, с которым они только начали жить и были так счастливы.

Оба до конца надеялись на чудо

Нина Белая,
Тверь – Андреаполь

исцеления. Верили в силу молитвы. Верили в народную медицину. Но её никогда не покидала мысль о том, что «Раису Горбачёву не спасли, Жанну Фриске тоже не спасли, а чем я лучше?».

Его не стало той ненастной осенью.

За несколько часов до смерти, исповедовавшись и причастившись, он вздохнул:

– Теперь я все понял. Боже, буди милостив мне грешному.

Господи, ну почему так???

Может быть, во всем виновата та первая СМСка?

«Как море?»

«Отлично, в тени 45 градусов»

С чем сравнить сосновый лес?
Словно шелковый навес,
Солнца, крон и теней связь –
Золоченых нитей вязь.
Как янтарные – стволы,
Ветки гордости полны,
И сквозь зелень их ресниц
Даже солнце пало ниц.

Святослав Кетлеров,
Нелидово

Сказка про Тома и Молли

Владимир Юринов,
г. Андреаполь

Жил-был на свете кот. Звали его Том. Это был вполне обычный кот, без всяких там вычурных родословных, титулов и званий. И окрас у него был вполне обычный, котиный.

Жил он в обычной семье, в обычном многоэтажном доме, даже без лифта. Лифт, в общем-то, был Тому и не нужен, – на улице, после одной некрасивой истории, он ходить не любил.

Было Тому года два или три, он точно не помнил, но считал он себя котом вполне взрослым и самостоятельным, что постоянно старался демонстрировать. Играть с укатившимся у хозяйки клубком он уже считал ниже своего достоинства, а постоянные весёлые приставания детей ничего, кроме подёргивания шерсти на спине, у него не вызывали.

Хозяина Том считал человеком неплохим, но не особо умным, – при таком изобилии мягких кресел и диванов в доме, хозяин часами просиживал на неудобнейшем стуле в своём кабинете, подолгу отрешённо глядя в плоский экран перед собой. Иногда он (хозяин, конечно, а не экран) вдруг оживлялся, и тогда его длинные и тонкие, как у пианиста, пальцы принимались лихорадочно бегать по пахнущим пластмассой квадратным клавишам на столе.

Изредка он брал Тома к себе на колени. Пока хозяин задумчиво гладил его по спине, Том вежливо мурчал, но когда рука хозяина исчезала с загривка, и вновь начинали сухо щёлкать пластмассовые клавиши, Том тихо спрыгивал с колен и уходил к себе. Хозяин этого обычно не замечал.

«К себе» это значило – в зал, в узкую щель между тумбой, на которой стоял телевизор (ещё одна абсолютно бесполезная вещь в доме) и батареей отопления, прижавшись к горячим рёбрам которой, было так восхитительно спать.

Однажды, поздним утром, после обычной порции манной каши, Том, пробравшись в свою щель, застал там незнакомку. Маленькая бабочка нежного кофейно-молочного цвета сидела на шторе и выжидательно смотрела на Тома.

– Здравствуйте, – сказал вежливый Том, – меня зовут Том.

– Молли, – присела в книксене бабочка.

– Вы нездешняя?

– Я из соседней квартиры.

– Надолго к нам?

– Боюсь, что навсегда... Меня прогнали.

– Как?! – искренне возмутился Том, – Вас, такую слабую и незащищенную?!

– Они всячески травили меня. Страшные люди!.. – усики Молли предательски задрожали.

– Ах, только не плачьте! – воскликнул Том. – У нас вас никто не обидит!.. Да-да, я уже не первый раз слышу про эту нехорошую квартиру. В прошлом месяце у нас проездом останавливался таракан Иннокентий. Его там тоже довели до того, что он вынужден был эмигрировать. Да, эмигрировать, – повторил Том звучное иностранное слово. – Он эмигрировал этажом ниже. Я предлагал ему остаться у нас, но Иннокентий наотрез отказался, сказав, что столь близкое проживание к своей бывшей родине будет будить в нём непереносимую ностальгию. Он так и сказал – «непереносимую ностальгию».

– Ах, нет, я не столь сентиментальна, – сказала Молли, – и если вы позволите...

– О чём речь! – Том по-гусарски расправил усы. – Чувствуйте себя как дома!..

Содружество литераторов
*Вера*небо.лжся

* * *

С.

Оторвавшись от сайтов и статусов,
где никто ты
и будешь никем,
стань теплее на тысячу градусов,
прикоснувшись губами к щеке.
От абсента шатается комната,
но прозрачней и трепетней взгляд...
Ты знакомая и незнакомая,
я обеим до странности рад.
И как будто сжигает ненужное
над бокалом огонь спиртовой...
В тёмных улицах старого Южного
голос мой превращается в твой.
Где поют эти птицы, чего они
этой ночью с цепи сорвались?
Неужели тобой очарованы
И, как я, возвращаются в жизнь?

Фёдор Иванов,
Тверь

Билет

Острый месяц на исходе лета
Косит перезрелых звезд колосья.
И, слегка поскрипывая осью,
Медленно вращается планета.

По ночной распахнутой дороге
Катятся созвездий вереницы...
Если людям есть, куда стремиться,
Значит, кто-то будет ждать в итоге?

Верстовыми звёздными столбами
Млечный Тракт расчерчен и размечен.

Но когда платить за вёрсты нечем,
На Земле становимся рабами.

И живём, старея постепенно,
И планету тянем, как телегу...
А ведь жизнь даётся человеку
С проездным билетом по Вселенной.

Марина Крутова,
Тверь

Вскоре Том и Молли окончательно подружились. Молли оказалась интересным собеседником и абсолютно неприхотливым жильцом. Было очень приятно долгими зимними вечерами лежать возле горячей батареи и, не обращая внимания на стрельбу и завывания из телевизора, мирно беседовать о милых предметах.

Друзья быстро нашли общий язык.

– Вы даже не представляете, до чего это тяжело, – закатывала глаза Молли, – летом – в шубе, зимой – в майках...

– Да-да, – соглашался Том, – я им говорю, что мне необходимо мясо, простое телячье мясо, можно даже не вырезку, а они мне подсовывают кашу! Каждое утро одна и та же манная каша, и только по воскресеньям – яйцо, я подчёркиваю, – одно яйцо!...

– Ужас, ужас, – всплёскивала крылышками Молли.

А когда телевизор выключался, Том, наговорившись, счастливо засыпал, а Молли, перебравшись к нему на спину и уютно устроившись в густой шерсти, чем-то там занималась, щекотно перебирая лапками и что-то негромко напевая на странном, с долгими гласными, языке...

– Ну что, пролежень, – иронично-язвительно встречал Тома на кухне хозяин, – я смотрю, ты уже совсем опух спать. Свалялся, вон, весь за зиму. Выгулять тебя, разве что, по снежку? Ладно, ничего, скоро весна, поедешь на дачу, травку пожуёшь...

И наступила весна, суета. Том уехал на дачу, где скучать не приходилось. Он всё реже вспоминал свою подругу. Воспоминания были тёплыми, но образ Молли всё больше размывался, расплывался, пока, ближе к осени, окончательно не был стёрт бурным, но недолгим романом с соседской кошкой Эльвирой, стоившим Тому разорванного уха.

Возмужав на свежем воздухе, пар-

ном молоке и мышах, Том возвращался по осени домой совсем другим котом – бойцом, мужчиной, с мощной холкой и пушистыми брылями.

В квартиру приехали поздним вечером. Том, всегда плохо переносивший дорогу, чувствовал себя вполне скверно. Он даже не стал есть, а, только попив воды, сразу завалился спать в ногах у младшей хозяйской дочки...

Утро было солнечным. За окном весело орали воробьи, лёгкий ветерок колыхал занавеску, с кухни вкусно пахло манной кашей.

Том с аппетитом позавтракал, поглазев в окно на возню непуганых воробьёв, но вдруг, как будто что-то вспомнив, быстро побежал в зал. С трудом вщемившись в сузившуюся щель за телевизором, Том долго лазил там, заглядывая то под тумбу, то за батарею, но ничего, кроме паутины и нескольких неопределённых, цвета кофе с молоком, кучек лёгкой пыли, не нашёл. Он не знал, что произошло, но чувствовал себя обманутым, каким-то брошенным, он чувствовал, что что-то кончилось навсегда и уже никогда больше не повторится, и, пытаясь задержать это ускользящее «что-то», пытаясь вернуть какие-то воспоминания, какие-то смутные образы, теснившиеся в груди, он всё тыкался носом в паутинные углы, всё высматривал что-то в тёмных, заросших седой мохнатой пылью щелях...

Том так долго возился за телевизором, гремел антенными шнурами и так шумно вздыхал, что хозяйка, в конце концов, не выдержала, и, отложив вязание, вытащила Тома из щели, попутно с трудом отцепив его от шторы.

– Где ж ты столько мусора-то нашёл?! – возмутилась она пыльно-паутинным видом кота, и, не дав ему опомниться, быстро поволокла в коридор, где споро и прозаично обработала оцепеневшего от ужаса Тома жутко воющим пылесосом.

* * *

Я не знаю, возможно ли это,
Только хочется всё равно
Распахнуть свои окна в лето,
Чтобы стало опять тепло,
Чтобы ветер с лугов ворвался
Ароматом медовых трав,
Чтобы шмель на цветке качался,
Шелестела листва дубрав...
Чтоб, увидев цветов букеты
На раскрытом своём окне,
Догадаться: ты рядом где-то,
Снова думаешь обо мне.
Чтобы к солнцу тянулось тело,
А душе захотелось петь!
Чтобы сердце стучать хотело,
А не вздрогнуть и замереть...

*Светлана Миронова,
Пено*

* * *

я была женой художника,
я была женой поэта,
ими я была отброшена,
как вчерашняя газета,
ими я была прочитана,
ими я была изучена,
ими я была воспитана
ими я - была измучена,
я вокруг летала музую,
трепеща тихонько крыльями,
и шаром бильярдным в лузу я
полетела без усилия,
карамболь, – сказал художник мне,
– от поэта, – я заметила,
и, расставшись я с обоими,
замуж выхожу – за третьего.

*Дарья Гребенщикова,
Торопецкий р-н, д.Шешурино*

* * *

В чуть приоткрытое оконце
Весна ворвалась на постой.
Не луч бушующего солнца,
Бушует ветер молодой.
Давно ль тут вихрь февральский
правил,
Знаток интриг и тайных дел,
Мальчишкой нынешний без правил,
Без туч-визиток залетел.
Не ждали? Натё, получайте
Листвы лежалой аромат
И перышко случайной чайки,
Костров запретных лёгкий чад.
Ворвался, взявшись ниоткуда,
Исчез неведомо куда,
Оставив предвкушенья чуда
И образ вербы у пруда.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

ПРЕХОДЯЩЕЕ

У котёнка суета,
Что на кончике хвоста.
Хочет котик укусить
Или лапой зацепить,
Хвост поймать в движении,
Неистовом вращении...
Это скоро с ним пройдёт –
Суеты не терпит кот.

* * *

Сосноглазая река:
Как ресницы – берега.
Словно омуты – зрачки,
Будто слезы – роднички.

*Святослав Кетлеров,
Нелидово*

ГРОЗОВОЕ

* * *

Пробито небо летнею грозой –
Не залатать – надолго дало течь.
Грохочет гром почти над головой,
Пытаясь звезды на земле зажечь.

В намокшем поле травы пали ниц –
Сверкает так – убьет, не ровен час.
Большая стая сказочных жар-птиц
За черной тучей спрятана от глаз.

В прожилках молний бьется серебро
Таинственного птичьего огня.
Сверкнет, слепя, упавшее перо,
Порой пугая, а порой маня.

От вспышек раскалился небосвод,
От жара почернела бирюза.
За тучами жар-птичий хоровод,
А снизу – просто летняя гроза.

**Иван Кирпичев,
Нелидово**

* * *

Гремело будто в огороде.
Дрожал от страха старый кот,
А я (не из пугливых вроде)
Крестился. Что в башку взбредёт?!
И чёрный креп небес кроила
Не по лекалам, как пришлось,
Природы яростная сила.
Деревня вымокла насквозь
И замерла в оцепененье:
Скорей дождаться бы конца
Шального светопреставленья.
Так ждуть с известием гонца
О завершенье бранной сечи.

Пусть испытание сурово,
Стихийный беспредел не вечен,
Но я мигренью обеспечен,
Поскольку выпался неважно.

**Федор Чибисов,
Нелидово**

* * *

Облетают черемух цветы,
Лепестки застилают тропинки,
Струи ливня качают кусты,
Бьются в стекла, стекая, дождевики.

С треском молнии яркий зигзаг
Рассекает лиловые тучи.
Гром ворчит, не уймется никак
Майский ливень, шальной и
кипучий.

В серой дымке купают леса
Дождевые седые туманы,
А меж туч золотая роса
Засверкала в лучах долгожданных.

Заиграл и расцвел сразу
Под лиловой клубящейся тучей,
Вспыхнул ярко зеленью луг
Под нависшей чернеющей кручей.

И, как в сказке, на радужный мост
Поднимаюсь к разорванным тучам,
Чтобы все, что в пути не сбылось,
Испросить у природы могучей.

**Юрий Бунин,
Нелидово**

* * *

Душно, томно, воздух вязкий,
Не дает прохлады тень.
В ожиданье грозной встряски
Замер, затаившись, день.

Но мгновенье не предскажешь:
Ярко, яростно и вдруг
Вскроет небо в жирной саже
Огневой трескучий круг.

Понесет, закуролесит –
Грохот, струи, дрожь земли...
Ты безличен, нетелесен –
Хоть убей, хоть весели.

Сам – испуг и вдохновенье,
Сам – чарующая страсть,
И готов в одно мгновенье
Воспарить или пропасть...

**Маргарита Петрова
Андреаполь**

* * *

Вновь меряю шагами пыльную
дорогу.
Июнь в разгаре, солнце и жара.
Тепла, как и всего, не нужно слиш-
ком много...
Ну, а когда слепни и мошкара,
То хочется с разбегу сразу в воду
С утра пораньше...Стоп, а где ж роса?
А говорят, не узнавай с утра пого-
ду...
По-моему, сейчас рванёт гроза.
И лёгкий ветер тянет влагу с юга,
С болота дышит в нос болиголов,
И радуга на небе полукругом.
Комар остервенело жаждет кровь...
Вот шум листвы осиновою сильнее.
Иду быстрее, но мне не добежать.

Вот капля тёплого дождя стекла по
шее,
По носу хлопнула игриво. Вот опять.

...Люблю грозу и не боюсь раскатов,
Ни вспышек молний резких и
кривых,
Порывов ветра в ельниках
косматых,
Ни крупных частых капель
дождевых.
Но вот гроза прошла, смыв пыль,
обиды,
Упрёки, даже боль вчерашних дней.
Вдох полной грудью. Легче. Стало
видно:
Ещё я чуточку взрослее и сильней.

**Юлия Рыжова,
п. Бологово,
Андреапольский район**

* * *

Небо глухо заворчало,
Потянуло холодком.
Мы стояли у причала,
Принакрывшись пиджаком.

– Быть грозе, – сказал мне милый,-
Не вернуться ль нам домой?
– Нет и нет! Там так уныло.
Я отсюда – ни ногой!

Тучи молнии метали,
Прошивая небеса.
Над рекою птичьи стаи
подавали голоса.
Громыхало-бушевало,
И лило, как из ведра.
Я приятку целовала...
Нету худа без добра!

**Светлана Виноградова,
Нелидово**

* * *

Небо молнии метало,
Аж рвалось в истерике.
Дролю скотчем обмотала,
Чтоб не вымок в скверике.

* * *

Мы с миленочком в грозу
На лугу пасли козу.
Я упала и молчок.
Мил застыл, как дурачок.

**Светлана Большенкова,
Нелидово**